

Аналогия и её ограничения

Любимова Т.Б., Институт философии РАН
tat-lub@yandex.ru

Аннотация: Аналогия есть прием мышления, основанный на сравнении и отождествлении. Ее можно понимать в узком и широком, метафизическом смысле. Аналогия с организмом использовалась еще в древности для понимания Вселенной и социума. Хотя этот прием весьма эффективен, но он имеет ограничения с обеих сторон – наши знания о Вселенной, как и о социуме, очень малы, равно как и недостаточны знания об организме и о жизни. Относительно близко эта аналогия подходит к тому аспекту социума, который называется идеологией. С метафизической точки зрения музыка есть универсальный аналог общества, но аналог на уровне принципа.

Ключевые слова: аналогия, социум, идеология, жидкий кристалл, знание и незнание, предпосылки науки, музыка и принцип

Аналогия есть прием мышления, основанный на отождествлении отчасти разнородного. Аналогия с организмом для понимания столь сложных явлений как социум, культура, человечество, является на первый взгляд привлекательной для познания общества, однако велика опасность, что это мнимая возможность, хотя этот прием широко используется в гуманитарных науках. Достаточно вспомнить концепции цивилизаций Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, евразийцев, чтобы представить, о чем идет речь. П. Сорокин убедительно критиковал с точки зрения методологии этот подход, признавая в то же самое время его значительные достижения. Он ставит вопрос, «какого рода единство представляют собой цивилизации»¹ в понимании этих теоретиков? Ошибка их состояла во мнении, «что все цивилизации проходят один и тот же “органический” цикл: они рождаются, развиваются, а в конечном счете распадаются и гибнут... Однако одновариантная модель (рождение, созревание и гибель) никоим образом не может быть применима к какой-либо из этих цивилизаций». Путь крупных социальных и культурных систем «является крайне многовариативным и не никоим образом может быть сведен к одному органическому одновариативному циклу»². Это точная критика так называемого органицизма, т. е. аналогии цивилизации с организмом. Яркость картин, создаваемая этой аналогией, производит впечатление, впечатывает определенный рисунок событий, для обобщения коих применяется простейший прием сравнения с возрастами живого организма. Центральный момент здесь – «единство», целостность, каким образом они определяются, находятся или задаются? Эти понятия довольно неопределенны в применении к социальной «материи», интуитивны. Впечатление, образ тем самым

¹ Сорокин П. О концепциях основоположников цивилизационных теорий // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М., 1999. С. 49.

² Там же. С. 52, 53.

вытесняет, делает ненужным специальный анализ самого приема аналогии, и прежде всего его законность и уместность. Чтобы ближе рассмотреть возможность его применения, хотелось бы сначала понять природу самого этого приема.

Отождествляться может форма предметов, устройство, ход событий, что угодно, но всегда не полностью, а в каком-то отношении. Например, отождествляется форма двух предметов, один из которых представляется известным. На основании сходства формы производится операция переноса свойств известного предмета на неизвестный, производится их отождествление через проекцию в неизвестное. В узком смысле этот прием называют пропорцией, как это рассматривалось Аристотелем, сам прием использовался и ранее, и у Платона он применяется часто. Законным образом, с точки зрения обычной логики аналогия применима на границе между знанием и незнанием. От этой границы зависит уместность и законность применения аналогии.

Незнание при этом не есть только еще непознанное, но и непознаваемое; так аналогия используется в религии, когда свойства нашего эмпирического мира, абстрагируемые и обобщенные, переносятся на непознаваемое. Этот прием может служить пониманию, познанию, объяснению или чистому мышлению. Но это не означает, что она дает знание в прямом значении слова. Такое использование аналогии законно и ограничено эмпирическим познанием и комбинаторным мышлением, доминирующим в современной науке.

Однако человеческий разум метафизик по природе, как утверждал И. Кант³. Мысль летуча, и она, беря себе аналогию в помощь как средство передвижения, как бы крылья, устремляется в непознаваемое. Это происходит в том поле сознания, которое называют религией, и которое, естественно, закрепляется в культуре под тем же именем. Иными словами, не только знание, но и вера прибегает к этому же приему. Вера - это мысль «это есть» о том, чего нет, по крайней мере, чего нет в наличии. Поэтому она всегда мечтательна, мечта, не обязательно светлая, исполнение которой откладывается на абсолютное потом. Есть для аналогии место и в метафизике. «Как бытие относится к рождению, так истина относится к вере», - утверждает Платон устами Тимей⁴. Этот диалог вообще есть пример аналогии с организмом, применяемой метафизическим образом. «Наш космос есть живое существо, наделенное душой и умом... Предположим, что было такое [живое существо], которое объемлет все остальное живое по особям и родам как свои части, и что оно было более всего тем образцом, которому более всего уподобляется космос, ведь как оно в себе вмещает все умопостигаемые живые существа, так космос дает в себе место нам и всем прочим видимым существам»⁵.

Отметим, что религия и метафизика отнюдь не одно и то же, и в социуме они исполняют разные роли. Аналогия широко используется в религии, где она расширяет поле знания на непознаваемое волевым образом, через веру, которая в основе своей есть желание, воля, чтобы было то, чего нет. Метафизика не обращается к вере, она ищет высшего знания, и здесь аналогия законна. Как метафизический принцип она будет выражена в формуле: «Всё - во всём. Однако в каждом - особым образом»

³ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 35-44.

⁴ Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: В 4-х т. Т. 3. М., 1994. С. 433.

⁵ Там же. С. 434.

Проклом⁶. Этот трактат Прокла «Первоосновы теологии», можно считать образцом применения органической аналогии в метафизическом смысле, расшифровываемой в конце первого, самого важного раздела, как «результат органического сращения единого и многого – актуальная бесконечность»⁷.

Иными словами, аналогия есть инструмент познания и отступает перед тем, что недоступно для знания. Она действительна и законна только на границе между знанием и незнанием, всё дело в том, как понимать знание и установить границу. Ведь незнание со всех сторон объемлет знание. Но ее полет не греза, хотя и проходит в темноте, а грезить можно и наяву.

«Я знаю, что ничего не знаю, другие не знают и этого» - в этой сентенции присутствует отнюдь не скромность, как могло бы показаться. Сократ утверждает, что можно знать незнание. Каким же образом? Это напоминает реплику из «Алисы в Стране Чудес». На вопрос: кого ты там видишь? Алиса отвечает: Никого. Все в восторге: она может видеть *Никого*.

О незнании мы можем знать только то, что оно есть и объемлет собою маленькую светлую полянку нашего знания в сумрачном лесу неведения середины земной жизни.

«There are more things in heaven and earth, Horatio, Than are dreamt of your philosophy» (На небе и земле есть больше вещей, Горацио, чем грезятся вашей философии (орфография времени Шекспира, сохраненная в этом издании)⁸; в этом издании Брокгауза и Эфрона: «во сне не снилось твоей учености»⁹) - в начале «Гамлета» звучит эта сентенция. Великие произведения растаскивают на цитаты, затем упаковывают в сознание масс как формулы мудрости. Возможно, что переводчики правы, и надо говорить «во сне не снилось». Тем не менее, здесь есть двойное дно, двусмысленность, весьма часто присутствующая в словесной игре у Шекспира. Акцент здесь ставится на словах «сон, грёза». В предыдущей строке было сказано Горацио о словах Призрака и его требования клятвы, что это «весьма странно», на что Гамлет ответил «как странник он примет хорошо»¹⁰ («он» - Призрак, странность, т. е. странник, будет хорошо принят в странном месте). Смысл, вероятно, в том, что всё происходит в грёзе, это сон, ведь сон и есть самое странное место. События – это мечта, у них природа сна, хотя на поверхности плавает двойственность и сомнительная убедительность нашего знания. Не то, что много чудес на свете, а то, что мы все знаем как бы во сне, мечтательно, И спорить с безмерностью нашего незнания и с ненадежностью знания невозможно. В этом ключе события в «Гамлете» понятны – Герой не хочет того, что кажется, он хочет то, что есть (слова в сцене убийства Полония). Именно героическое сопротивление незнанию, затягивающей *авидье* (термин индийской философии), создает варианты теорий, картин мира, доктрин, сумму коих мы распределяем по ячейкам того, что называется культурой. Тут всё – философия, метафизика, религия, наука, - осадок от прежних доктрин и теорий.

⁶ Прокл. Первоосновы теологии. Тбилиси, 1972. С. 72.

⁷ Там же. С. 61.

⁸ Шекспир У. Собр. соч.: В 2-х т. На основе издания Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Б.г. Б.м. Т. II. С. 111.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ Там же.

Древние мифы, сказки, непонятные уже ритуалы, приметы, заговоры и прочие «предрассудки» суть тоже осадок прежних знаний. Всё это подвижные границы между *видьей* и *авидьей*, знанием и незнанием. Каждая ячейка (или зона, поле, если культуру рассматривать как некое непрерывное информационное пространство) выстрадала свою относительную автономию, способ очищения от *авидьи*, а сражение против нее подобно в чем-то борьбе с многоглавым драконом – одну голову отсечешь, тут же вырастает новая, а то и все три. Собственно, культура в этом смысле есть отстой этих способов борьбы, кладбище воинских доспехов прошлого, расплюснутых непобедимой *авидьей*. Аналогия переносит схемы представлений из одной ячейки в другую, создавая грёзы наяву, гипотезы, принимаемые за теории, создавая зыбкое, подвижное информационное поле, в котором теории быстро девальвируются.

Метафизика по определению должна быть неизменным знанием, знанием принципов, тогда как знание материального мира переменчиво. Поскольку философия отказалась от метафизики, то место ее заняла математика. И все обвинения в адрес метафизики спокойно можно переадресовать ей. Как метафизика не расширяла наше знание, согласно И. Канту, так и, вопреки его утверждению, математика не расширяет знания, она строит только воображаемые (виртуальные) миры. Вопрос об отношении физической точки зрения и математической (математической геометрии и физической геометрии) мы не будем здесь рассматривать как слишком специальный.

Можно, однако, и в отношении самой аналогии применить органическую аналогию, т. е. считать ее не пропорциональным переносом (механическая операция), а понимать ее как выращивание нового знания, что привело бы к иному пониманию самого знания, а возможно, и к более общим антропологическим проблемам. Этот вопрос мы тоже не будем рассматривать как слишком общий, хотя и заманчивой.

Если механицизм еще можно признать понятным, в силу того, что люди сами создавали механизмы и знают их устройство, то относительно организма знания и сегодня недостаточны, чтобы мы могли бы считать его понятным и заимствовать из этих знаний принципы или хотя бы объяснительные схемы. Мышление «органическими категориями» не есть органическое мышление как принцип.

Можно ли считать диалектику более органическим типом мышления, чем формально-логическое? Пример из классики: «Справедливость – это нечто воровское, однако направленное на пользу друзьям и во вред врагам. Разве ты не так говорил?

Нет, клянусь Зевсом. Впрочем, я уже и не знаю, что говорил»¹¹. Большинство диалогов Платона по форме диалектичны. Но эта диалектика по своей схеме есть калька с происходящего на агоре. *Agoreuo* – греческий глагол, означающий «говорить, выступать на площади». А на площади оттачивали свое искусство софисты. Это их достижение. Диалектика не есть здоровье разума, но напротив, болезненное состояние. И она не есть способ утверждения истины, способ ее обнаружения. Она собою отмечает границу применения разума. Так у И. Канта. А для Платона разве иначе? Если пристально присмотреться? А у Парменида и Зенона разве не так? Если вдуматься? Так. Парменид ничего никому не доказывал, и не стал бы этого делать. Он духовным

¹¹ Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: В 4-х т. Т. 3. М., 1994. С. 87.

взором истину видел и утверждал ее безо всяких апелляций. Но для внешних надо было доказывать – апофатически – что истина не то, и не это, и нет ее в здравом смысле, во мнении, в очевидности. Вот для этого и надо было изощренное рассуждение Зенона, ученика. Диалектика - двойная «истина», раздвоение ее, поскольку в разговоре принимают участие двое, каждый со своей истиной. В большинстве диалогов никакая истина не открывается, напротив, собеседник запутывается. То, что Платон считает истинным, рассказывается просто, без диалектики (Тимей, Законы). Отличает софистические приемы от сократовских, по форме тоже софистических, только цель: там - убеждение (софисты), здесь - поиск истины (платоники). Путь аналогичен.

Можно по этим признакам заметить, что диалектический метод ничуть не более органичен, чем аристотелевская логика, он тоже механизм. Вообще, противопоставление диалектического и механического, критического и догматического, или других типов мышления такого рода основано на том, каким образом оно происходит. Можно принять другое основание. А именно, ступень, на которой располагается тот или иной тип мысли по отношению к материальному и духовному миру. Мысль, обращенная полностью к материальному миру, есть представление в чувственных формах, облакаемая в принятые уже в культуре образы. Это эмпирическое мышление, основа научного, наряду с логико-математическим. Научные теории комбинируют схемы, полученные таким образом¹². Но эмпирическое и комбинаторное мышление не исчерпывают возможностей человека. Они ограничиваются миром, доступным психическому началу, несмотря на потуги науки и философии избавиться от психологизма, ограничены им. С эзотерической точки зрения психизм присущ плотному и тонкому уровням проявленного мира. Духовная сторона для психизма темна. Поэтому в эту тьму постоянно проецируются образы чувственной стороны психики. Принципиально можно, таким образом, выделить три типа мышления: эмпирическое, комбинаторное и сущностное (метафизическое). Последнее, предполагающее полноценное развитие интеллектуальной интуиции, хотя она в возможности присуща каждому, есть большая редкость.

Как можно применить аналогию для познания современного социума?

Понять, как устроено общество, что такое социальность вообще, каков модус ее существования, не просто. Мы живем в этой среде, но не в состоянии осознавать ее, пусть и не во всей полноте, но хотя бы локально, окрест себя. В обыденной жизни делать этого и не надо, вполне достаточно следовать нормам, составляющим каркас культуры, т. е. предписаниям и общепринятым оценкам. Чтобы создать теорию этого

¹² Весьма изящно картина теоретического научного знания рисуется Гемпелем: «Научная теория может быть уподоблена, таким образом, сложной сети: ее термины представляются узлами, тогда как нити, их связывающие, соответствуют частично определениям и частично основным и производным гипотезам, входящим в теорию. Вся система держится, так сказать, над плоскостью наблюдения и закрепляется с помощью правил интерпретации. Эти правила можно рассматривать как нити, которые не являются частью самой сети, но связывают некоторые части ее с определенными местами в плоскости наблюдения. С помощью такой интерпретационной связи сеть может функционировать как научная теория. От некоторых данных наблюдения мы можем восходить, с помощью интерпретационной нити, к некоторым пунктам в теоретической сети, от них через определения и гипотезы - к другим пунктам, от которых другие интерпретационные нити позволяют спускаться к плоскости наблюдения» (Цит. по: Карнан Р. Философские основания физики. М., 1971. С. 350).

объекта (социальности), далеко выходящего за горизонт доступного знания, мы обращаемся к аналогиям. Слово это, понятно, означает «по (той же) логике». Аналогии берутся из разных областей знания, в том числе из биологии. Природа социальности ею не охватывается, но некоторые ее составляющие вполне могут быть поняты таким образом. Можно ли ее применить в интерпретации такого феномена, как идеология? Доминирующим жанром рассуждений об идеологии в большинстве исследований был и сейчас остается поиск таких определений, которые обличали бы ее как ложное сознание. Однако крайне негативное отношение к ней порождено доктринами переустройства или реставрации политического или социального устройства, взятого из прошлого или существующего в настоящее время. Проектная установка таких доктрин сама по себе ничего незаконного не имеет, но способы ее реализации оказываются в истории практически всегда насилием. Последнее вызывается не только инерцией социума, но недостаточным знанием или даже полным его отсутствием у «проектировщиков» того, как эта самая социальность устроена. Относительно феномена идеологии, понимаемого не столько как набор агрессивных доктрин, но как логику идей, логику ментальности общества, уже давно стало ясно, что от нее нельзя избавиться, она неуловима для простых средств – запретов, проектов, конструирования. С логикой идей приходится жить всем и каждому, как с собственной тенью. Причем сами идеи могут осознаваться, а их логика чаще всего – нет. Чья же она тень? Это отражение самого социума внутри него самого. Тень внутри виртуального пространства, которую производит социум в качестве культуры. Тень невольно противопоставляется свету. Свет – символ познания. Тень, получается, – символ незнания. В такой начальной стадии находится не только наука об идеологии – хотя о ней говорится уже довольно давно, – но примерно на этом же уровне находится большинство рассуждений о культуре, о ценностях. Кроме определений, предлагаются обзоры точек зрения и множество абстрактных, часто ангажированных мнений. Социальная наука во многом покоится на позиции здравого смысла. А он и есть материал идеологии, т. е. мнения здравого смысла, распространяемые в социуме, – это материал, заполняющий все публичное пространство, не минуя и сознания «элит». Слово в кавычках, т. к. элитами (избранные – значит посвященные) законно можно называть только интеллектуалов, обладающих упомянутым сущностным мышлением. Отсутствие подлинных элит порождает хаос. Потому: сколь ни были бы точными и техничными исследования массового сознания и общественного мнения, для понимания масштабных процессов они мало что дают. Они важны для ситуативных решений, но не более того.

Таинственный предмет – тень социума внутри самого социума, т. е. идеология, – обладает своей спецификой, ускользающей от привычных подходов, принятых в социальных науках. Еще древние со свойственной им ясностью и образностью говорили, что законы, поддерживающие порядок и удерживающие сообщества в целостности, охраняются Властью и Силой, слугами Зевса, т. е. верховного закона всего (Эсхил, «Прикованный Прометей»). Любой античный миф есть парадигма, образец понимания мира. Миф не есть мечтательный вымысел, это записи универсального метафизического знания, его шифры. У Эсхила Власть и Сила уговаривают Прометея смириться перед Зевсом, они – суть социальной связи, оковы,

коиими тот прикован к скале-социуму. Им не удастся его уговорить. Непосредственное применение власти и силы в каждом «прометеевом» случае было бы не очень хорошим решением, слишком громоздким. Вместе с Афиной и Гефестом, освободителями Прометея (или Мудростью и Искусностью, философией и ремеслом), явилась возможность менее затратного и менее заметного управления прометеевой энергией. Теперь же эти первичные истоки (Мудрость и Искусность) сокрыты плотными слоями исторических и культурных накоплений. Скелет социума – власть и сила – закрыты множеством покровов, на коих начертаны символические фигуры в обликах наших знаний, норм, ценностей, высказываний, вечных героев, фигур, воплощающих главные смыслы социальной жизни. Покровы эти очень пестры. Облекают же они все те же власть и силу. Идеология, как один из таких покровов, облекает каркас социума, она, подобно коже, многофункциональна, власть и сила проступают в ней не в своем страшном виде, а в облике неких добрых молодцев. Это обман? Да ни в коей мере. Это сущность внешней и внутренней сторон закона.

Если оставить эти ёмкие образы в стороне, то мы обнаруживаем большую сложность феномена управления социумом, а также и те темные зоны, которые не поддаются позитивистским методам исследования. Если сложность феномена сводится только к каркасу власти и силы, то управление деградирует к чрезмерной жестокости проявления закона. Если же устройство социума и управления им понимается более тонко, с учетом всех «покровов» мудрости и искусности, то жизнь в социуме может быть вполне сносной, а управление им более гибким.

Рассматривая этот феномен, мы обнаруживаем, что социум - это не совсем жесткая конструкция, скелет или каркас (в зависимости от того, берем ли мы органическую аналогию или техническую, архитектурную). Идеология в качестве основы ткани культуры с ее многообразными рисунками заполняет публичное пространство: мнения, идеи, общепринятые представления, ценности, верования, убеждения, - вся эта материя подвижна и скорее может быть уподоблена воде, нежели жесткой конструкции. Тогда необходимо изучать ее «гидравлику» как процесс высокой степени сложности со всеми ее турбулентными движениями. А при изучении ее как процесса оказалось, что в ней присутствуют обе природы – есть и некий строй, построение, каркас и, одновременно, в ней всё течет и меняется. Тогда не применить ли аналогию с жидким кристаллом? С живой тканью? В живой ткани клетки «плавают» в водной среде, обладая относительной автономией, занимая точно свое место, если и движутся, то точно своими путями (в здоровом организме), одновременно составляя ненарушимое единство. Они строго дифференцированы до невероятно тонких различий, и в то же время абсолютно управляемы тотальным единством организма, единым информационным полем. Однако, в отличие от социума, в организме нет одного постоянного центра управления, власть не диффузна, но и ненасильственна, меняет точки приложения в зависимости от переменчивой среды, внутренней и внешней. Она – информационна (что не означает, что им сознание управляет). Мы не можем провести аналогию между властью в социуме, осуществляемой через насилие (государство реализует монополию на насилие), и мозгом. Платон называл в «Тимее» мозг вместилищем божественной Души, образ и часть космической Души, тогда как в теле управляет животная душа, многоликий зверь. Первая бессмертна, вторая –

смертна, душа и сознание совсем не одно и то же. Современная информационная медицина в других терминах, но сходным образом, понимает это: «Головной мозг человека является естественным приемником и излучателем, связывающим его с информационной Вселенной. Он постоянно принимает программы первичного Информационного поля, трансформируя их в жизнь физических полей человека, и излучает волны вторичного Информационного поля человека, которое формирует мир человека... Мозг “держит” под постоянным и неусыпным контролем единство всех процессов, происходящих в организме человека»¹³. Единство это обеспечивается не электрическими импульсами или химическими реакциями, а информационным полем, которым и они подчинены, как и все прочие системы и органы, весь состав организма.

Интересный факт, открытый современной наукой: мозг отделен от остального тела иммунным барьером. Оказывается, Платон уже об этом знал. Но как он догадался? Ведь тогда не было никаких микроскопов. В диалоге «Тимей» у него представлена довольно подробная картина анатомии тела, хотя и более простым языком, схематично. «Голову, являющую собою наш корень, божество простерло туда, где изначально была рождена душа»¹⁴. Главное, что там есть идея о том, что мозг отделен от остального тела барьером, перешейком, ведь в голове - божественная душа, она обращена к небу, к вселенской Душе, а в теле - животная душа, занятая животными потребностями тела, дальше всего от неба ее вождедеющая часть. Животная душа - многоликий зверь. И не следует, чтобы она доминировала над божественной, низводя человека до животного состояния. Забывая о своей небесной звездной родине, душа погружается в невежество; будучи вдали от истины, она исполняется иллюзиями, снами, призраками и химерами. Так что этот барьер, перешеек, как можно понять, предостерегает человека от падения в незнание.

Божественная душа человека имеет тот же состав и нисходит от Души космоса через звезды в человека: «Когда весь состав души был рожден в согласии с замыслом того, кто составлял, этот последний начал устроить внутри души все телесное и приладил то и другое друг к другу в их центральных точках. И вот душа, простертая от центра до пределов неба и окутывающая небо по кругу извне, сама в себе вращаясь, вступила в начало непреходящей и разумной жизни на все времена» [5, с. 439], и далее через «включение» времени, «вечный образ, движущийся от числа к числу» [5, с. 440]. Затем ту же смесь, но чистоты «второго или третьего порядка» творец «разделил на число душ, равное числу звезд, и распределил их по одной на каждую звезду. Возведя души на звезды как на некие колесницы, он явил им природу Вселенной и возвестил законы рока, а именно, что первое рождение будет установлено для всех душ одно и то же, дабы ни одна из них не была им унижена, и что теперь им предстоит, рассеявшись, перенестись на подобающее каждой душе орудие времени и стать теми живыми существами; которые из всех созданий наиболее благочестивы»¹⁵. Вот пример ограничения для аналогии, которую кто-нибудь попытался бы применить к устройству социума. Что в нем может быть подобно божественной Душе? Ничто. Она присуща только живым существам. Никакой институт культуры, никакое коллективное

¹³ Коновалов С.С. Возвращение в жизнь. Ломая стереотипы. М., 2017. С. 119.

¹⁴ Платон. Тимей. С. 497.

¹⁵ Там же. С. 444.

бессознательное или общественное сознание не может претендовать на место обитания божественной души. Да и не претендует.

Если только организм, органы и системы, живые клетки предполагать некими неопределенными аналогами для социальных и культурных образований, например, политики, религии, науки, философии, права, государства, образования, но и другие, то каждое из этих образований имеет не только свое внутреннее устройство, свой порядок жизненных процессов, происходящих внутри, свой каркас-скелет, свою иерархию управления, своих «директоров», но и особые связи и отношения с общей информационной средой, образующей публичное пространство. В организме – это межклеточное пространство. «Директор» в жидком кристалле есть скорее направление изменения, слово само как раз и обозначает направление (direction), если применить аналогию с механикой, то это будет вектор. Это не какой-то осязаемый или видимый предмет, не вещь, а невидимая сила направления, некой оси. В публичном пространстве это будет скорее доминирующая в определенное время тенденция, нежели какая-то конкретная группа людей, которая есть только ее воплощение. В организме нет борьбы всех против всех, не может быть также, чтобы все клетки были «на одно лицо», недифференцированными. Это губительно (таковы именно раковые клетки). Управляющий разум организма настолько высоко развит и гибок, что ему не надо «необразованного стада», чтобы управлять в совершенстве. Напротив, все клетки дифференцированы, проходят обязательное обучение, «недоучки» вносят в жизнь организма хаос, т. е. болезнь. Так что социуму надо еще поучиться у разума организма – учиться, учиться и учиться разумному управлению. Еще раз скажем, что это информационное управление.

Социокультурные образования, обладающие относительной автономией, в общем информационном поле также зависимы друг от друга и от общего состояния социума, как живые клетки и системы клеток в организме. Разумеется, это утверждение верно только в рамках аналогии, не буквально. Для них тоже есть общая среда, где циркулируют символы всеобщего обмена, подобно сигнальным молекулам в организме, завязываются информационные связи. Символы всеобщего обмена – деньги, общепринятые представления, банальные истины и популярные знания, новости и сплетни, образы и, наконец, главное, язык, – суть носители не только и не столько фактической информации или реальной значимости, ценности, они также несут каждый какую-то, явно или скрыто, идею. Поскольку обмен ими носит всеобщий характер, то невозможно не предположить, что идеология (логика обращения идей вокруг незримых центров, идеалов) как какой-то всеоблакающий покров не упускает ни одного места в публичном пространстве.

Ясно, что к феномену идеологии с его высокой степенью сложности невозможно подходить как к вещи, подобной твердому телу. Ее нельзя взять и целиком переместить в другое место, из одного социума в другой, из одной эпохи в другую. Ее «тело» подобно жидкому кристаллу. Здесь есть или должно быть и определенное построение и в то же самое время своего рода текучесть. Понимание этого и конкретное изучение как внутреннего устройства идеологических узлов в самих социокультурных образованиях, так и идеологических посредников в публичном («межклеточном») пространстве, как можно надеяться, привело бы к тому, что управление социумом было бы более

совершенным, гибким, а потому и успешным. Реализация закона через «власть и силу» не нуждалась бы в приковывании цепями к скале наших прометеев, не столь могучих, как древний титан. Поскольку эволюция социума идет в сторону большей сложности и гибкости и меньшей грубости, по временам сильно деградируя и впадая в разруху, постольку задача обучения не только и не столько управляемых, сколько правителей, умению быть «разумом организма», а не только грубой силой, важна и интересна. Ведь с социумом деградируют и правители, это процесс взаимный, завязан он на всю идеологическую ткань, облекающую весь социум как его же многоликий и пестрый образ. В изучении социума аналогии с организмом довольно широко распространены, например, деньги сравнивают с кровью; казалось бы, это так правдоподобно. Тогда власть – это нервная система. Тогда экономика – это пищеварение, и т. д. Но все же, еще раз скажем, всякая аналогия законна лишь в рамках определенных свойств. Расширение аналогии не дает более глубокого понимания явления. Более того, она, создавая яркую картинку, видимость знания, призрак его, гасит то удивление сложностью и странностью мира и самого человека, которое и есть главный импульс познания. Идеология при всех задачах, которые она решает, есть не только основа ткани культуры, она также инструмент силы и власти, одновременно и школа для власти, ее окультуривания. Аналогия с живой тканью тогда не столько объяснение этого феномена, сколько инструкция для обучения. Но всякая аналогия «хромает».

Итак, главным ограничением для применения этого приема можно считать недостаточность знания или даже его иллюзорность. Поэтому аналогия, проводимая между гипотетическими, виртуальными конструкциями, называемыми теориями, расширяет не наши познания, а лишь виртуальное пространство коллективного сна. Пространство это загромождается странными призраками, которые к тому же требуют от нас твердой веры в их истинность и верности им. Они образуют собою ту самую идеологию в дурном смысле, которую с полным правом можно назвать коллективным гипнозом. В любом случае, аналогия при всех ее ограничениях лучше, чем перечисление фактов и их комбинирование согласно более или менее произвольно принятым правилам, а то и простое их смешение.

Для понимания совместной жизни людей, социума и вообще социальности использовались и другие аналогии. Возможна и обратная аналогия, если можно так сказать, когда представление о социуме выступает как аналог устройства некоего его же фрагмента или конкретного поля культуры. Любопытно, что в таком приеме сливаются социологический подход и понимание идеологии как отражения социального устройства. Макс Вебер некогда написал статью о музыке, где интерпретировал западную музыку (классическую) с присущей ей доминантой как образ структуры господства в социуме. Т. Адорно вслед за этим красочно представил музыку как образ социума вообще, например, оркестр это сообщество, дирижер – воплощение власти, правда, в гротескном виде, и т. д. Надо сказать, что такая обратная аналогия не на много расширила наше понимание социума, а тем более музыки. Она работает в той же плоскости идеологии, не более того. Однако музыка представляет собой не столь простое явление. Она по самой своей сути метафизична, хотя может и подражать пенью птиц, воспроизводить ритмы сердца, например, или внешние

звучания и ритмы, ведь это ее материал – звук. И в то же время она не есть язык природы, не есть система знаков. По крайней мере, все это не есть ее природа и назначение.

Музыка, как исчисление души, есть одновременно форма времени; если время – подвижный образ вечности, то музыка – подвижный образ времени; а если время – движущееся число, то получается, что и музыка – движущееся число. Значит ли это, что музыка есть аналог математики, и в каком же смысле? Если математика есть язык науки, и охватывает в принципе весь физический мир, то ничего подобного нельзя сказать о музыке, она не есть отпечаток физического мира. Можно, конечно, сказать, что пентатоника как принцип есть обозначение пяти стихий китайской метафизики, а семь нот европейского строя музыки суть семь планет, а более тонкое деление октавы в индийской или арабской музыки каким-то образом отражают соответствующие представления. Однако это значило бы ничего не сказать именно о музыке и ее принципе. В прямом смысле она не есть язык чего бы то ни было – чувств, телесных возможностей и желаний, разве что понимать язык в запредельно широком смысле, применяя это слово ко всему подряд. Недавние открытия в генетике, например, привели ученых к тому, что они генетический код преобразовали в звуки. Теперь каждый может услышать музыку генов – только музыку именно своих генов слушать не рекомендуется, видимо, клетки входят каким-то своим способом в резонанс со своим же звучащим кодом, и организм выходит из нормального здорового состояния. Гуманитарии же весьма подвержены моде, и теперь для них культура – это язык, и одновременно они говорят про «коды» культуры, демонстрируя полное смешения языков. Музыка по своему принципу симметрична математике в жизни нашей души, если математика полностью обращена к физическому миру (хотя ее и стараются приспособить к исчислению чего-нибудь нематериального), то музыка, напротив, обращена от физического мира, отвращена от него. Она не ищет счастья, к нему мы стремимся в физическом мире, она устремлена туда, где есть покой и воля. Она дает нам на время освобождение, ведь когда человек поет, т.е. возвращает речь в ее исконное состояние, то кажется, что он получает свободу. Как это ни странно звучит, но смысл ее и назначение – освобождение от шума мира, в ее центре – тишина и молчание, конечно, не в буквальном смысле. Она помогает остановить нашу внутреннюю болтовню, поток сознания, или, как этого требует йога, остановить завихрения сознания. Получается, что она между внешним миром и сознанием, поэтому она может вместить в себя все, не говоря конкретно ни о чем. Выходя на рынок, превращаясь в исполнение, она начинает говорить обо всем.

Наше сознание в обычном режиме работает, прибегая к самым разным аналогиям и в самых разных ситуациях, в сущности, аналогия и есть способ завихрения сознания, внутренней болтовни. С ее помощью легко совершать переход от одного предмета к другому. Музыка симметрична математике, она есть метафизика души, математика же заменила традиционную метафизику в отношении мира. Но музыка не нуждается в этом приеме аналогии, поскольку ее универсальность беспредметна как само бытие.

Литература

- Адорно. Т.В. Избранное: Социология музыки. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 445 с.
- Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- Карнап Р. Философские основания физики. М.: Прогресс, 1971. 390 с.
- Коновалов С.С. Возвращение в жизнь. Ломая стереотипы. М.: АСТ, 2017. 369 с.
- Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т.3. М.: Мысль, 1994. С. 70-420.
- Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т.3. М.: Мысль, 1994. С. 421-450
- Прокл. Первоосновы теологии. Тбилиси: Мецниереба, 1972. 177 с.
- Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 47-54
- Шекспир У. Гамлет // Шекспир У. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.: РООССА, 2011. С. 5-163.

References

- Adorno, T.W. *Izbrannoe: Sotsiologiya muzyki* [Selected Works: Sociology of Music]. Moscow; Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 1998. 445 pp. (In Russian)
- Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 591 pp. (In Russian)
- Carnap, R. *Filosofskie osnovaniya fiziki* [Philosophical Foundations of Physics]. Moscow: Progress Publ., 1971. 390 pp. (In Russian)
- Kononov, S.S. *Vozvrashchenie v zhizn'. Lomaya stereotipy* [The Return to Life. Breaking Stereotypes]. Moscow: AST Publ., 2017. 369 pp. (In Russian)
- Plato. "Gosudarstvo" [Republic], in: Plato, *Complete Works: in 4 Vol.* Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1994. P. 70-420. (In Russian)
- Plato. "Timei" [Timaeus], in: Plato, *Complete Works: in 4 Vol.* Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1994. P. 421-450. (In Russian)
- Proclus. *Pervoosnovy teologii* [The Elements of Theology]. Tbilisi: Metsniereba Publ., 1972. 177 pp. (In Russian)
- Sorokin, P. "Obshchie printsipy tsivilizatsionnoi teorii i ee kritika" [General Principles of Civilizational Theory and its Critiques], *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii: Khrestomatiya* [A Comparative Study of Civilizations. Reader]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1999. P. 47-54. (In Russian)
- Shakespeare, W. "Gamlet" [Hamlet, Prince of Denmark], in: W. Shakespeare, *Complete Works: in 2 Vol.*, Vol. II. Moscow: ROOSSA Publ., 2011. P. 5-163. (In Russian)

The analogy and its limitations

Lyubimova T. B., Institute of philosophy RAS

Abstract: An Analogy is a way of thinking based on the comparison and identification. It can be understood in the narrow and broad, metaphysical sense. The analogy with the organism was used in ancient times to understand the Universe and society. Although this technique is quite effective, but it has limitations on both sides – our knowledge of the Universe, as a society, are very small, as well as lack of knowledge about the body and about life. Relatively close this analogy fits to the aspect of society that is called ideology. From a metaphysical point of view, music is the universal analogue of society, but the analogue at the level of principle.

Keywords: analogy, society, ideology, liquid crystal, knowledge and ignorance, of assumptions of science, music, principle